

Игорь РОДИНКОВ

ДЕРЖАВА РЮРИКОВИЧЕЙ

16+

Игорь Родинков
Держава Рюриковичей.
Вторая часть

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Родинков И. А.

Держава Рюриковичей. Вторая часть / И. А. Родинков —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Уже более 1150 лет существует русская государственность. В истории России были только две династии: Рюриковичи и Романовы. Данная публикация является второй частью дилогии "Держава Рюриковичей". Она охватывает историю России с княжения Дмитрия Донского до царствования Феодора Иоанновича. Книга состоит из двух разделов. В первом в научно-популярной форме излагается авторский взгляд на историю России XIV-XVI вв. Во втором приводятся документы по данному отрезку исторического времени. Обложка оформлена автором.

© Родинков И. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
Основная часть	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Предисловие

В 862 г. на Руси появился варяг Рюрик, который основал великую династию русских князей. Потомки Рюрика властвовали над Русской землей 740 лет, создавая и укрепляя Русское государство. Этот великий род сыграл колоссальную роль в истории России, дав ей не только правителей, но и замечательных людей в самых разных областях русской жизни.

Год призвания новгородцами на княжения трех братьев-варягов (русов) стал считаться началом Русского государства. По этому поводу в 1862 году в царствование императора Александра II в Новгороде был воздвигнут памятник Тысячелетия Руси (скульптор М. Микешин). Русские летописи, называя год призвания варягов, конечно, не могли указать, в какой именно день Рюрик с братьями появился в Новгороде. Но на Руси издревле днем начала Русского государства стали считать праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Кроме того, именно в этот день в 1380 году произошла знаменитая Куликовская битва, и день 21 сентября (8 сентября по старому стилю) стал не только днем начала Русского государства, но и днем его возрождения после монголо-татарского плена.

Именно с рассказа о Дмитрие Донском и Куликовской битве начинается вторая часть книги «Держава Рюриковичей». Теме Куликовской битве в дореволюционной и современной исторической науке уделено достаточно внимания, но вот темы, связанные с княжением Василия I Дмитриевича (сына Дмитрия Донского) и Василия II Васильевича (внука Дмитрия Донского), известны лишь специалистам и любителям истории. В школьном курсе (в том числе и дореволюционном) о княжении сына и внука Дмитрия Ивановича говорится вскользь или вообще ничего не говорится. А ведь это были судьбоносные времена для Русской земли: достаточно вспомнить помощь самой Царицы Небесной (Пресвятой Богородицы) в отражении нашествия Тамерлана (Тимура) в 1395 году, отвержение княжеской властью и Русской церковью Флорентийской унии (1437 г.), упорную борьбу с Литвой (Витовтом) и т. д. Что касается княжений Ивана III и Василия III, то многим со школьной скамьи памятен этот период русской истории, так как именно в эти княжения происходит свершение монголо-татарского ига и создание нового Русского централизованного государства с центром в Москве. Но вот тема борьбы с ересью жидовствующий и теория «Москва – третий Рим» известны далеко не всем. На примере русской истории уже в XV–XVI веках хорошо прослеживаются первые попытки мировой закулисы проникнуть на историческое пространство русского православия, чтобы изменить дух и букву русского самосознания.

Как-то из поля внимания историков выпадает и тот факт, что начиная с XIV века происходит дробление единого русского народа на три ветви: русских, украинцев и белорусов. У каждого восточнославянского народа появился свой язык и своя культура. Все это произошло под влиянием тех государств и народов, под власть которых временно попали части когда-то единого Древнерусского государства. Теме образования украинской (малороссийской), белорусской и великорусской народности и развитию русской культуры после монголо-татарского нашествия уделена целая глава.

Что касается царствования Иоанна IV Грозного и его сына Федора Иоанновича, то здесь в историческом сознании до сих пор присутствуют стереотипы мышления: яко бы Иоанн Грозный был маниакальный садист, а Федор Иоаннович – слабоумный, блаженный человек. Иоанн Грозный был великим царем, а его царство славным, и это доказывается правдивым и осмысленным изучением его царствования. А утверждение патриаршества при Феодоре Иоанновиче стало полной завершением строительства архитектурного здания Московского царства как Третьего Рима.

Моими путеводителями в историческую эпоху от княжения Дмитрия Донского до царствования Федора Иоанновича были те же источники, что и в первой части моей книги «Дер-

жава Рюриковичей». Это «Элементарный курс Русской истории» К.И. Добрынина (издание 1911 г.), «Сказания о Русской земле» Александра Дмитриевича Нечволодова (издание 1913 г.); «Курс русской истории» Василия Осиповича Ключевского (издание 1904 г.); «Родная старина: Отечественная история в рассказах и картинках (с IX по XIV ст.) В.Д. Сиповского (издание 1879 г.), «От Руси до России» Л. Н. Гумилева (издание 2005 г.), «Россия. Великая судьба» С. Перевезенцева (издание 2005 г.), «Самодержавие духа» Иоанна Снычева (издание 1995 г.). Кроме того, я пользовался работами Дмитрия Сергеевича Лихачева «Великое наследие» (издание 1995 г.) и Михаил Зазыкина «Царская власть в России» (издание 1924 г).

Все исторические сочинения должны основываться на подлинниках (документах). В приложении ко второй части я дал достаточное количество документального материала, для понимания ключевых моментов русской истории XIV–XVI вв. Здесь произведение русской литературы, законодательные акты, мемуарные, исторические и религиозные сочинения, которые, по замыслу автора, должны ввести читателя в соответствующую историческую эпоху. Как и первая часть, книга проиллюстрирована и снабжена картами.

Целью данного исторического труда является не только вспомнить нашу историю к определенному юбилею, а именно к 2012 году, когда будет отмечаться 1150-летие начала Русского государства, но, что самое главное, способствовать возрождению нашего русского национального самосознания.

Основная часть

Дмитрий Донской и Куликовская битва

1. Дела ордынские. Освобождение Руси из-под ордынского ига и ускорение процесса объединения русских земель сопровождалось как неблагоприятными, так и благоприятными внешними условиями. Неблагоприятным фактором следует считать усиление Литовского княжества и осложнение отношений Руси с Константинополем, который проводил политику разделения русской митрополии на две части – Киевскую и Московскую. В 1375 году, еще при жизни митрополита Алексия, из Константинополя в Москву был прислан в сане киевского митрополита Киприан, в ведении которого были русские епархии в составе Литвы и Польши, с перспективой занятия митрополичьей кафедры и в Москве после смерти престарелого Алексия. Киприан откровенно ориентировался на Литву и был далек от интересов Москвы. В 1378 г. умер митрополит Алексий и митрополитом «всея Руси» стал Киприан.

Благоприятным фактором можно считать то, что в Орде началась так называемая «замятня» – усобица между ордынскими правителями, во время которой за 18 лет сменилось около 25 ханов (среднее время правления одного хана составляло 9 месяцев). Окончилась эта «замятня» тем, что Золотая Орда распалась на две части – Белую и Синюю Орду.

При хане Узбеке (1312–1341) в Орде произошли большие изменения, связанные с тем, что в 1312 г. правящая верхушка Золотой Орды приняла *ислам*. Вслед за ней ислам стало принимать подвластное ханам население Орды. Это означало изменение всей внешней политики Золотой Орды, которое рано или поздно должно было коснуться отношений Орды с Русью. На наше счастье в первое время после переворота традиционные взаимоотношения Орды и Руси еще сохранялись. Наследовавший Узбеку его сын, хан Джанибек (1341–1357), будучи уже мусульманином, все еще старался поддерживать отношения, установленные при домусульманских ханах Золотой Орды. Ориентируясь на союз с Симеоном Гордым, Джанибек, человек добрый, честный и деятельный, противостоял проникновению в Поволжье и в Причерноморье католиков-генуэзцев, которые в то время были союзниками константинопольских императоров.

Однако финал царствования «добротного царя» Джанибека был трагичен. Один из его многочисленных сыновей – Бердибек – стал отцеубийцей, захватил трон и казнил всех своих братьев, дабы упрочить свои права на престол. Но его никто не собирался поддерживать, и вскоре Бердибека убили. После этого объявился целый ряд самозванцев, которые называли себя уцелевшими детьми Джанибека. Время правления многих из них не превышало и года. В результате стабильность в Орде была утрачена. Этой «замятней» очень удачно воспользовался митрополит Алексий, который, видя нужду очередного хана в русском серебре, сумел в обмен на финансовую помощь получить ханскую грамоту, удостоверяющую, что великое княжение является теперь наследственным правом московских князей из династии Ивана Калиты. Таким образом, политическая традиция *удельного правления* Киевской Руси была отменена окончательно. Ей на смену пришел абсолютно новый принцип правления – *наследованной, династической монархии*.

В ходе ордынской борьбы за власть сибирский хан Хызр со своими полками захватил все Поволжье. Объединенная Западная Сибирь и Поволжье стали называться теперь *Синей Ордой*. В ней вскоре ханом стал *Тохтамыш*. Другая часть Золотой Орды стала называться *Белой Ордой*. Она занимала территорию Причерноморья, где основным населением были придонские половцы. В 1374 году власть в Белой Орде захватил темник *Мамай*. Мамай первоначально командовал тьмой – десятью тысячами воинов. Он не принадлежал к роду Чингизидов, но был талантливым полководцем и умным политиком. Он оперся на бывших врагов монгол

– придонских половцев, которые к тому времени тоже стали называться татарами. Отношение двух частей бывшей Золотой Орды к Руси было различным. Наследники ханов Синей Орды – прежде всего Тохтамыш – придерживались традиционной политики союза с Русью, проводимой со времен Батые. Мамай же опирался на союз с Западом, главным образом с генуэзскими колониями в Крыму.

Мамай решил восстановить прежнюю власть Орды над Русской землей. Он потребовал от Дмитрия Ивановича, как от великого князя, покорности и уплаты дани. Дмитрий Иванович отказался признавать власть Мамаю и платить дань. Это означало начало открытой борьбы с Белой Ордой. Почему Дмитрий Иванович бросил вызов Мамаю? Во-первых, он не признавал его власть законной, ведь Мамай не был из рода Чингизидов. Во-вторых, законным наследником всей Золотой Орды Дмитрий считал хана Синей Орды Тохтамыша, который был его союзником в борьбе с Мамаем. Но главная причина неповиновения Мамаю лежала в религиозной области. Мамай через генуэзцев, имевших свои колонии в Крыму (Крым был тогда ставкой Мамаю), вошел в тайный союз с римским папой по организации крестового похода против Руси. Кроме того, почти все население Белой Орды приняло ислам, и веротерпимость к русским закончилась. По свидетельствам современников, Мамай говорил своим князьям и вельможам: «Захватчу землю Русскую, и церкви христианские разорю, и веру их на свою перемену, и повелю поклоняться моему Магомету. А где церкви были, тут мечети поставлю и баскаков посажу по всем городам русским, а князей русских перебую». Таким образом, Мамай грозил ни много ни мало как уничтожением православной веры и оккупацией всей Руси. Поэтому Дмитрию Донскому ничего больше не оставалось, как принять вызов объединенных сил Востока и Запада. Возможно, именно тогда появилась русская пословица: «Много нам бед наделали хан крымский да папа римский».

Войну с Дмитрием Ивановичем Мамай начал с карательных походов. В 1375 г. Мамаева орда взяла и сожгла город Кашин. В 1377 г. большое войско царевича Арапши разорило Нижегородское княжество и разбило из-за беспечности воевод московские полки на реке Пьяне. В 1378 г. Мамай посылает на Москву мурзу Бегича с отборной конницей (20-30 тысяч). На реке Воже в Рязанском княжестве неприятельское войско было встречено дружиной князя Дмитрия и рядом союзным ему рязанских князей. Силы были равные, русские, отбив атаку татарской конницы, нанесли ей ряд фланговых ударов, и впервые за всю историю войн Руси с монголо-татарами враг побежал. Как повествует летопись, «и посекали множество побежавших татар».

В битве на реке Воже русские войска одержали первую крупную победу в открытом поле над ордынцами. Но поражение на реке Воже еще пуще распалило злобу Мамаю; он стал готовиться к большой войне с Москвой, чтобы как «второй царь Батый пленить всю Русскую землю». Свой поход на Москву Мамай планировал на осень 1380 г., поэтому сказал своим подданным «хлеба не сеять, но быть готовым на русские хлеба».

2. Куликовская битва. В конце лета русские разведчики обнаружили войско Мамаю у Воронежа. Историки считают, что Мамай собрал невиданное до того времени войско от 200 до 250 тысяч. Здесь были не только его собственные войска, но и наемники с Кавказа и Поволжья («бесермены»), и даже рыцари из Европы (генуэзская пехота).

Особенно было опасно то, что онъ вступилъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелломъ и уговорилъ его соединиться съ татарами. Князь рязанскій Олегъ, боясь татаръ, тоже обещался примкнуть къ нимъ противъ Дмитрія (но впоследствии онъ уклонился отъ борьбы и не соединился ни съ той, ни съ другой стороной).

Когда пришли въ Москву вести о громаднѣхъ приготовленияхъ Мамаю, Дмитрій вызвалъ къ себе изъ Серпухова своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Тотъ подалъ советъ, что «лучше подъ мечомъ за Христову веру и за государя умереть, чемъ въ рабстве векъ веко-

вать». Решено было готовиться к борьбе с татарами. В этом решении поддерживал Дмитрий и преподобный Сергий, к которому он часто обращался за советом.

Призыв великого князя Дмитрия на борьбу за освобождение отечества от татар возбудил сильное воодушевление в князьях русских. Отовсюду, даже из отдаленных заволжских княжеств, собирались вооруженные люди под начальство великого князя. В самой Москве военные приготовления закончились около Успенева дня 1380 г.

Перед самым выступлением в поход Дмитрий Иванович, в сопровождении близких бояр, отправился в Троицкую лавру, чтобы просить благословения у св. Сергия. Св. Сергий, напутствуя Дмитрия, сказал ему: «Господь будет тебе заступником и помощником. Он победит супостатов твоих и прославит тебя». Он дал Дмитрию двух иноков – Пересвета и Ослябя, – которые до поступления в монастырь были известны, как «добрые воины: Ослябя гная сто, а Пересвет двести».

По возвращении из Лавры, 20 августа Дмитрий выступил с войском из Москвы. Перед отправлением он обошел все кремлевские соборы и везде молился о благословении на страшный путь, на грозное дело борьбы с татарами. Трогательно было прощание Дмитрия с женой и детьми, но Дмитрий, как говорит летописец, «не прослезился народа ради». Выйдя на Красную площадь, он обратился к собравшимся там ополчениям с такими словами: «приспело время, братцы мои милые, за землю русскую и за святые Божии церкви себя не щадить». «Прольем кровь за святую веру, сложим головы за тебя, княже...» – откликнулось войско.

Под Коломною был назначен общий сборный пункт: там собралось еще невиданное на Руси 150-тысячное войско. Отсюда великий князь двинулся на юг, к Дону. Здесь, 6 сентября, остановились и стали совещаться, переходить Дон или ждать врага. Мнения разделились. Одни говорили, что переходить реку опасно, так как, в случае неудачи, река помешает отступлению. Сам Дмитрий был того мнения, что надо идти вперед, чтобы не дать татарам соединиться с литовцами, которые тоже спешили к Дону. Бывшие в русском войске литовские князья Ольгердовичи говорили, что перейти реку необходимо, чтобы все знали, что отступления нет и что, следовательно, должно или победить или всем лечь костьми. В это время прискакал гонец от преп. Сергия с письмом, в котором Сергий писал Дмитрию: «чтобы ты, господине, так пошел, а поможет тебе Бог и Пресвятая Богородица». Дмитрий дал приказ переходить Дон, и войско вступило на обширное Куликово поле, при впадении в Дон р. Непрядвы. На противоположном конце поля уже видны были громадные полчища неприятеля. На одном из холмов был раскинут шатер самого Мамаю.

Весь день Дмитрий провел среди войска, размещая его отдельные части, указывая, где кому стоять. Довольно сильный отряд, под начальством кн. Владимира Андреевича и боярина Боброка, был поставлен в засаду за лесом. Все русское войско было охвачено одной мыслью – добыть свободу от позорного татарского ига или лечь костьми. «Много было князей, – говорит летопись, – но дух был единый». Ратники готовились к завтрашнему бою, как к св. участию, и одевали чистые рубахи.

В ночь перед битвой, – говорит сказание, – Дмитрий выехал из лагеря с Боброком и расположился между обоими станами – русским и татарским. Боброк сказал, что он знает приметы, по которым можно предсказать исход будущей битвы. Он предложил Дмитрию вслушаться в то, что несло из вражеского стана и из русского лагеря. «Слышу с вражеской стороны, – сказал Дмитрий, – словно торжище (базар) начинается, шум и трубный звук, а дальше воют волки, кричат вороны и клекот орлиный несется; а на Непрядве гуси и лебеди плещутся крыльями, как перед грозой. На нашей стороне тишина великая и от множества огней; как будто, заря занимается». «Это доброе знамение для тебя, господине княже, – сказал Боброк; – но есть у меня еще другая примета». Он припал

къ землѣ ухомъ, долго слушалъ и потомъ, поднявшись на ноги, не хотелъ ничего говорить, что ему слышалось. Только после настойчивыхъ просьбъ Дмитрія онъ сказалъ: „слышалъ я, какъ земля горько плакала: на одной стороне, казалось, будто плачетъ мать о детяхъ и причитаетъ по-татарски, а на другой – нашей – стороне будто плачетъ девица тонкимъ голосомъ. Во многихъ битвахъ я былъ и много приметъ испыталъ и знаю ихъ. Уповай на милость Божію и помощь сродниковъ твоихъ Бориса и Глеба – и ты одолеешь; но твоего христіанскаго воинства падетъ подъ остреемъ меча многое множество“. После этого они вернулись въ русскій станъ. Эта ночь была, вообще, по преданію, полна виденій. Одинъ изъ воиновъ виделъ на небе, какъ два светлыхъ юноши, схожіе со свв. Борисомъ и Глебомъ, рубили несметныя полчища враговъ съ кликомъ: „кто вамъ велелъ губить наше отечество?“ Во Владиміре на Клязьме, въ храме Рождества Богородицы, где почивали мощи благовернаго князя Александра Невскаго, одинъ инокъ виделъ, какъ у его гроба сами собой загорелись свечи, какъ подошли два светочныхъ старца (св. Петръ и Алексій) и сказали: „возстани, Александре, ускори на помощь сроднику своему великому князю Дмитрію Ивановичу, одолеваемому врагами“. И Александръ Невскій всталъ на зовъ старцевъ, какъ живой, изъ гробницы.

Утро следующего дня – 8 сентября – было очень туманное. Русскимъ это было весьма кстати, такъ какъ за этимъ туманомъ татары не заметили, что часть войска спряталась въ засаду. Когда туманъ рассеялся, Дмитрій, помолившись передъ чернымъ знаменемъ своимъ, на которомъ было изображеніе Нерукотвореннаго Спаса, сталъ объезжать войска, ободряя ихъ на предстоящій подвигъ. «Отцы и братья, – говорилъ онъ, – Бога ради подвизайтесь, святыхъ ради церквей и веры христіанской. Сія смерть не въ смерть, но въ жизнь вечную». «Боже, даруй победу государю нашему», – восклицали воины въ ответъ на речь Дмитрія. Около полудня туманъ исчезъ, и солнце яркими лучами залило поле. Силы непріятельскія уже подходили. Дмитрій снялъ съ себя княжескій плащъ и другіе знаки своего достоинства и наделъ на своего любимца, боярина Бренка, котораго поставилъ у своего знамени; самъ же хотелъ сражаться въ первыхъ рядахъ, какъ простой воинъ. Многие удерживали его и говорили, что онъ долженъ распорядиться другими издали, а не подвергать себя опасности; но Дмитрій ответилъ на это: «где вы, тамъ и я; скрываясь назад, могу ли я сказать вамъ: о, братья, умремъ за отечество; слово мое да будетъ деломъ: я – начальникъ и стану впереди и хочу положить свою голову въ примеръ другимъ».

Битва началась съ того, что съ татарской стороны выехалъ огромнаго роста богатырь и сталъ вызывать охотника изъ русскихъ на единоборство. Видя его исполинскій ростъ, никто долго не отваживался выйти противъ него, какъ вдругъ изъ русскихъ рядовъ выехалъ Пересветъ. Обратившись къ своимъ, онъ сказалъ имъ: «отцы и братья, простите меня грешнаго»; потомъ, со словами – «преподобне отче Сергіе, помоги мне своею молитвою» – съ опущеннымъ копьемъ понесся на татарскаго богатыря. Оба всадника сиблись въ страшномъ ударе, и оба пали мертвые.

Вследъ за этимъ началась общія битва. Полки русскіе бросились на татаръ, и на все 10 верстъ заволновалось Куликово поле. Густая пыль поднялась надъ полемъ и заволокла страшное побоище, происходившее на немъ. И русскихъ и татаръ падало множество; тела убитыхъ и раненыхъ образовали целыя горы, на которыя приходилось взбираться всадникамъ. Бились мечами, копьями, а иногда схватывались руками и кусали другъ друга зубами. Отъ тесноты многие задыхались. Наконецъ, татары, которыхъ было гораздо больше, чемъ русскихъ, стали одолевать. Почти вся пешая рать наша была скошена, какъ трава; много князей и бояръ было убито; самъ Дмитрій былъ раненъ. Мало оставалось уцелевшихъ русскихъ полковъ. Мамай, смотревшій издали на битву, радовался удаче; уже слышны были радостные крики враговъ.

Видя и слыша все это, находившіеся въ засаде русскіе полки рвались въ бой, но Боброкъ все удерживалъ ихъ; онъ ждалъ, когда татары устанутъ окончательно, и тогда думалъ напасть на нихъ со свежими силами. Вдругъ (приблизительно черезъ 3 часа после начала

битвы) поднялся ветеръ въ лицо татарамъ. Тогда Боброкъ крикнулъ: «братья и други, держайте: настало время благое. Съ нами Богъ».

Мамай никакъ не ожидалъ, чтобы у русскихъ была запасная дружина, и не могъ понять, откуда она взялась. Татары были измучены и разстроены, а войско Боброка было со свежими силами; какъ орлы, налетели русскіе на татаръ. «Русь перехитрила насъ, – кричали татары, – худшихъ мы побили, а лучііе сохранились». Страхъ охватилъ ихъ, и они бросились бежать. Мамай, видя поражение своихъ, воскликнулъ: «великъ Богъ земли русской» – и последовалъ за своими воинами. Русскіе гнали татаръ несколько верстъ и избили ихъ громадное количество; множество возовъ со всякимъ добромъ досталось въ добычу победителямъ.

Татары были, такимъ образомъ, побеждены, но дорого досталась эта победа русскимъ: изъ 150 тысячъ осталось въ живыхъ только 40 тысячъ. Князь Владиміръ Андреевичъ велелъ трубить сборъ. Стали сходитья ратники со всехъ сторонъ, но между ними не было великаго князя. Никто не зналъ, что съ нимъ случилось. Стали искать его среди убитыхъ и раненыхъ и после долгихъ поисковъ нашли лежащимъ подъ срубленнымъ деревомъ, безъ чувствъ. Его доспехи были все изрублены и покрыты кровью, но самъ онъ былъ раненъ не опасно. Слыша вокругъ себя знакомые голоса, Дмитрій очнулся, поблагодарилъ Бога за победу и, севъ на лошадь, отправился объезжать поле, которое на пространстве 10 верстъ было до того покрыто трупами, что лошади съ трудомъ могли двигаться. Дмитрій благодарилъ всехъ воиновъ, помолился за убитыхъ, велелъ ихъ похоронить и установилъ обычай вечно чтить память ихъ (въ т. наз. Дмитровскую субботу). После этого онъ возвратился въ Москву, где его торжественно встретило духовенство и все жители. Восторгъ народа былъ неописанный. Дмитрія все прославляли, сравнивали съ Александромъ Невскимъ и прозвали «Донскимъ», а князя Владиміра Андреевича – «Храбрымъ». (К.И. Добрынин «Элементарный курс Русской истории»).

Победа на Куликовом поле имела огромное значение для судьбы России. Во-первых, она спасла русский народ от нового порабощения, а возможно, и от физического уничтожения, но главное, сохранила православную веру на Русской земле. Во-вторых, она показала жителямъ отдельных княжеств и князьямъ силу единения русскихъ людей, способствовала усилению Москвы и образованию единого русского централизованного государства. Какъ писал историк Лев Гумилев, «этническое значение происшедшего в 1380 г. на Куликовом поле оказалось колоссальным. Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле какъ представители своихъ княжеств, но вернулись оттуда русскими». В-третьих, победа на Куликовом поле нанесла сильнейший удар по Золотой Орде, после которого она не смогла оправиться. И хотя Русь еще сто лет платила дань ханам, но именно кровь, пролитая на Куликовом поле, способствовала бескровному освобождению Русской земли от монголо-татарского ига в 1480 году во время «великого стояния на Угре».

Редко можно найти такое событие в русской истории, которое было так увековечено в народной памяти. Во-первых, сведения о Куликовской битве были записаны во всех русских летописях и во многих западноевропейских хрониках, во-вторых, в ряде эпических произведений древнерусской литературы: «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Слово о житии и представлении великаго князя Дмитрія Ивановича, царя русскаго», «Летописный свод о сражении на Дону» и т.д. Ни один русский историк не оставил без внимания события Куликовской битвы.

По старорусским традициям Дмитрій Донской после Куликовской битвы основал ряд церквей и монастырей на местах святой помощи русскому воинству в войне с Мамаем. Так, на Куликовом поле из деревьевъ Зеленой дубравы, где стоял Засадный полкъ, была построена церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы (на месте захоронения русскихъ воинов). В 1381 г. под Москвой был основан Николо-Угрешский монастырь. Основан он был по обету, данному Дмитриемъ Донскимъ по пути на Куликово поле, когда войско остановилось на отдых, и

в ветвях сосны явилась князю икона святителя Николая Чудотворца, которая укрепила князя и согрела его сердце верой: «сия вся угреша сердце мое». Им же в память этого события воздвигнут Рязский Дмитриев монастырь около города Скопина на рязанской земле. В память Куликовской битвы прп. Сергей по просьбе великого князя основал Дубенский Успенский монастырь в 40 верстах от Лавры.

3. Набег Тохтамыша и последние годы жизни князя Дмитрия Донского. Вскоре разбил Мамай на берегах Калки и Тохтамыш, он объявил себя владыкой всей Золотой Орды. Мамай бежал в Кафу (нынешнюю Феодосию) и там был убит генуэзцами. Тохтамыш, воцарившись в Сарае, отправил дружелюбное посольство в Москву, к Дмитрию объявить, что их общего врага более нет и что теперь он, Тохтамыш, полноправный владыка всей Орды. Однако победа, с таким трудом одержанная на Куликовом поле, не привела к окончанию монголо-татарского ига. Всего лишь спустя два года хан Тохтамыш взял и сжег Москву, и Русь опять вынуждена была платить постыдную дань ханам.

Почему же бывший союзник Дмитрия Донского, Тохтамыш, ополчился на него? Все дело было в желании удержать за собой Залескую Русь и в интригах князей. Суздальско-Нижегородский князь Борис и его племянники, Василий и Семен, не желая усиления Дмитрия, отправили Тохтамышу донос на Москву и Рязань, якобы они хотят перейти на сторону Литвы – главного противника татар.

Тохтамыш поверил доносу и организовал в 1382 г. набег на Рязань и Москву. Рязанский князь Олег поспешил выразить покорность новому хану и в знак преданности показал татарскому войску броды через Оку. Москва, обескровленная Куликовской битвой, не могла выставить достаточное количество ратников для прямого боя, поэтому Дмитрий Донской покинул город и уехал в Переяславль-Залеский собирать новое войско. Покидая Москву, он рассчитывал, что город, имея хорошие укрепления (кроме того, на стенах Кремля стояло огнестрельное оружие, называемое по-русски «тюфяк») сумеет продержаться до его возвращения с набранными на севере воинскими отрядами. Оборону столицы он поручил митрополиту Киприану.

Переправившись через Оку и Волгу, татары перед стенами Москвы появились внезапно. Но взять город приступом они не смогли, тогда они преступили к его осаде. На беду москвичей, Киприан покинул Москву, и в городе началась анархия. Этим не преминули воспользоваться татары. Они через суздальско-нижегородских князей, которые были в стане врага, убедили москвичей, что татары не тронут города, если горожане откроют им ворота. Москвичи поверили, что Тохтамыш пришел посчитаться с князем Дмитрием, и 26 августа 1382 г. отрыли татарам городские ворота. Однако вместо пощады москвичей ждала ужасная резня. Фактически город Москва и все его население были уничтожены. Город сгорел весь, кроме Кремля и ряда каменных церквей. Вместе с городом погибло множество ценнейших книг, собранных отовсюду в кремлевских церквях.

Уничтожив Москву, татарские отряды облавами разошлись по великокняжеской области и опустошили еще ряд городов: Юрьев, Звенигород, Дмитров, Можайск и другие. Из русских князей только Владимир Серпуховской не потерял мужества: он неожиданно ударил по сильному татарскому отряду и разбил его. Эта победа и слух о том, что великий князь собрал у Костромы сильную рать, побудила Тохтамыша отступить.

Когда Дмитрий вернулся на свое родное пепелище, то, по словам летописца, заплакал. «Отцы наши – сказал князь, – не побеждали татар, но менее нас злополучны!». Немедленно он повелел погребать тела убитых. Собрано было их на пепелище одной только Москвы 24 тысячи. А сколько было убито во всей области, сколько было сгоревших, изувеченных и уведенных в неволю, – этого и сосчитать было нельзя. Однако кремлевские стены и стены некоторых церквей были целы, и Москва скоро смогла вновь отстроиться; но не скоро она могла стать таким же многолюдным и цветущим городом, каким была до татарского погрома. Вынуждены

были опять русские князья ездить в Орду за ханской милостью, а города и деревни – платить тяжелую дань.

Однако, пригнув шею под ханское ярмо, Дмитрий Донской не собирался прощать обиды своим обидчикам. Во-первых, он выслал за пределы Московской Руси митрополита Киприана. До самой смерти Дмитрия он жил в Киеве и в Константинополе. Киприан так и остался далек от понимания тех задач, которые стояли перед Москвой, он ориентировался на Литву, не принимая в расчет московских интересов.

Во-вторых, вскоре после ухода Тохтамыша Дмитрий начал военные действия против Олега Рязанского. Московская рать разорила рязанскую землю хуже татар, однако князь Олег успел скрыться. По договору великий князь получил от Рязани Тулу, Мордовскую область и Мещеру. Однако в 1385 г. Олег Рязанский собирается с силами и начинает наступление на Москву. Ему удалось захватить Коломну. Посланная против него московская рать ничего не смогла ему сделать. Тогда по просьбе Дмитрия Донского в переговоры вступает уже престарелый Сергей Радонежский. Князь Олег смягчается и заключает с Дмитрием мир. В утверждение этого мира, названного «вечным», сын Олега, Феодор, женился на дочери Дмитрия.

Интересен конец жизненного пути Олега Ивановича Рязанского. Вероятно, встреча с Сергием Радонежским произвела перелом в его жизни. После 52-летнего княжения, мучимый раскаянием за все, что было в нем темного, Олег Иванович принял иночество и схиму в основанном им в 18 верстах от Рязани Солотчинском монастыре. Там жил он в суровых подвигах, нося власяницу, а под ней – ту стальную кольчугу, которую не захотел надеть, чтобы оборонять отечество против Мамаю. Умер он в 1402 году. Инокинею закончила жизнь и его супруга – княгиня Евфросиния. Их общая гробница находится в соборе обители. За заботу о своей земле рязанцы любили своего князя, и впоследствии он был причислен к лику местночтимых святых.

Пришлось еще повоевать Дмитрию Ивановичу с Новгородом. Слишком много бед причиняла Русской земле новгородская вольница, так называемые *ушкуйники*. Они два раза грабили Кострому, нападали на Нижний Новгород, на Вятку; мало того – ушкуйники хватали русских людей и продавали их в рабство иноземцам. В 1387 г. Дмитрий Донской организовал поход против Новгорода, 26 городов с радостью послали свои ополчения на помощь Дмитрию. Новгородцы смирились и уплатили за все убытки, понесенные купцами от новгородских разбойников.

Скончался Великий Московский князь 1 июня (по новому стилю) 1389 года в возрасте 38 лет после тяжелой болезни. Сказались раны и тяготы его военных походов. Дмитрий Донской обладал государственным мышлением, а не стереотипом вотчинника. В этом отношении примечательно его завещание – «духовная грамота». Он впервые, не спрашивая разрешения у Орды, передал «великое княжение» старшему сыну Василию как «отчину», т. е. как наследственное владение московских князей. В «духовной грамоте» Дмитрий Донской выражал надежду на будущее освобождение Руси: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут выхода (дани) давать в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть».

Князь Дмитрий Иванович для москвичей, как для рязанцев Олег Иванович, был святым князем. А в 1989 году решением Архиерейского собора Русской Православной Церкви он был причислен к лику всероссийских святых с чином благоверного великого князя (память его вспоминается 1 июня).

Из «Слова о житии и о преставлении князя Дмитрия Ивановича, царя русского»: *«Воспитан же был он в благочестии и в славе, с наставлениями душеполезными, и с младенческих лет возлюбил Бога... И когда воспринял он скипетр державы земли Русской, престол земного царства, отчину свою – великое княжение, по дарованной ему от Бога благодати, почести и славы, еще юн он был годами, но духовным предался делам, праздных бесед не вел, и непристойных слов не любил, и злонравных людей избегал, а с добродетельными все-*

гда беседовал. И Священное Писание всегда с умилением он слушал, о церквях Божиих усердно заботился. И на страже земли Русской мужественно стоял, беззлобием отроку уподобляясь, а умом – зрелому мужу. Неприятелю же всегда был страшен он в бранях и многих врагов, на него поднимавшихся, победил».

Из книги В.Д. Сиповского «Родная старина» о русском военном искусстве в XIV века: «В каком же виде было в XIV веке русское военное искусство? Во время татарского владычества оно сильно изменилось. Прежде русские князья во время своих усобиц и борьбы с половцами действовали обыкновенно небольшими отрядами, а теперь в борьбе с татарскими полчищами пришлось выставлять огромные ополчения. Постоянного войска, кроме небольшой княжеской дружины, не было. Собиралось оно только в случае надобности. По примеру татар, русская рать делилась на тысячи, сотни, десятки. Конница составляла главную часть войска. В древности русские дружинники и воины вооружались подобно норманнам, а в XIV веке в военном деле многое заимствовано было у татар. Конский убор был тот же, что у татар. Кривые татарские сабли стали заменять мало-помалу прежние мечи. Кроме сабель, наступательным оружием служили самострелы, луки, различного вида копья, секиры и палицы. Хотя и упоминается в летописи об огнестрельном оружии при Дмитрии Донском, но вошло оно в общее употребление позже. Охранительное вооружение было очень разнообразно. В старину не было одного общего для всех вооружения: каждый ратник вооружался по своим средствам и желанию. Исключение составляли только княжеские дружинники, которые, вероятно, имели более однообразное вооружение. Щиты, шлемы, панцири, поножи, поручи должны были хорошо защищать от ударов вражеских бояр и богатых ратников, составлявших конницу. Шлемы были по виду очень разнообразны и носили разные названия (ишиаки, колпаки, ерихонки, мисюрки и др). Панцири, защищавшие туловище, были тоже весьма разнообразны: у одних воинов были простые кольчуги; у других были бахтерцы, байданы, юшманы. Это были те же кольчуги с прибавлением металлических пластинок или щитков различного вида на груди, спине и боках; у третьих были куяки, т. е. кожаные или суконные рубахи, на которых были прикреплены металлические бляхи различного вида. Полное и хорошее вооружение стоило очень дорого и потому было доступно немногим. Так как оно было и весьма тяжело, то для пешего воина и не годилось. Бедняки часто довольствовались только тегилеями – это были толстые, набитые пенькой и простеганные кафтаны. В толще тегилеяв клали куски железа, обломки старого вооружения. На голову такие воины надевали, вместо железных шлемов, подобные тегилеям толстые, набитые пенькой колпаки. Вооруженные подобным образом воины были очень неуклюжи на вид, но довольно хорошо защищены от стрел и сабельных ударов. Самые названия различных частей русского вооружения в конце XIV века показывают, что оно было заимствовано от татар и других восточных народов».

II

. Государство Тимура. Москва, Литва и Золотая Орда в княжение Василия

I

Дмитриевича

Период княжений в Великом княжестве Московском сына Дмитрия Донского *Василия I Дмитриевича* (1389–1425) и его внука *Василия II Васильевича* (1425–1462), к сожалению, мало освящен в отечественной исторической науке. Дореволюционные историки писали о нем скупно, а из школьных учебников истории этот период вообще исчез. Однако этот длительный период русской истории (73 года) был очень важен в укреплении власти Москвы над Северо-Восточной Русью. Кроме того, Русь, подвергаемая новым нашествиям иноплеменников и раздираемая междоусобной войной, могла пережить времена еще более худшие, чем нашествие Батыя и набег Тохтамыша.

1. Начало княжения Василия I. Государство Тимура в Средней Азии. У Дмитрия Донского было семь сыновей: Василий, Юрий, Андрей, Петр, Иван, Данило и Константин. По

завещанию Дмитрия великим князем стал его старший сын – Василий (1371–1425). Хотя великим князем он стал без разрешения Орды, церемонией вступления на престол руководил ханский посол Шихмат. Княжение Василия I Дмитриевича (1389–1425) было противоречивым. Как политик, он зависел от немалого числа внешних и личных обстоятельств. В 1390 году в Москву вернулся митрополит Киприан, в этом же году Василий женился на дочери литовского князя Витовта – *Софье*. В результате все годы своего правления он находился под сильным влиянием Киприана и Витовта, и его внешняя политика во многом носила пролитовский характер.

Перед потомками Ивана Калиты и Дмитрия Донского ясно стояли две главные задачи: первая – довершить «собираание русских земель», вторая – покончить с позорным татарским владычеством. К этим задачам присоединялась и третья – борьба с Литвой, которая, пользуясь бедствиями Руси, отщипывала от Русской земли то один, то другой кусочек.

Все эти задачи в полной мере пришлось выполнять Василию I. Спустя три года после своего вокняжения Василий Дмитриевич совершил поездку к хану Тохтамышу. В Орде он был принят с большой честью и радушием. Воспользовавшись расположением хана, он купил у него ярлык на Суздальско-Нижегородское и Муромское княжение. Причем все подданные нижегородского князя Бориса Константиновича добровольно признали власть Москвы. Таким образом, Василий Дмитриевич отомстил нижегородскому князю за клевету на его отца, которая вызвала разорение Москвы Тохтамышем в 1382 году.

Такое расположение Тохтамыша к московскому князю объяснялось тем, что ему нужен был союзник в войне с владыкой Средней Азии – *Тимуром*, или *Тамерланом*. В свое время Тимур поддержал Тохтамыша в его борьбе против Мамаю. Но когда Тохтамыш восстановил улус Джучи (Золотую Орду), он вошел во вражду с улусом Чагатая, или Хорезмским оазисом, в котором в конце XIV века полным властелином стал Тимур. Что представлял собой Чагатайский улус в XIV веке и кто такой был Тимур?

Улус Чагатая, второго сына Чингисхана, пожалуй, был самым слабым из обломков империи Чингисхана. Преемники Чагатая были жалкими послушниками подвластных им эмиров, поэтому в XVI веке улус Чагатая раздробился на три части. В восточной части Чагатайского улуса образовалось особое государство – *Могулистан* (Семиречье и Восточный Туркестан), где правили монгольские эмиры. В западной части Чагатайского улуса преобладали тюркские племена, и жившие здесь монголы подвергались отюречиванию. Здесь образовалось государство *Мавераннахр*, столицей его был Самарканд – крупный и богатый город с большим ремесленным и торговым населением. В 60-х годах XIV века возникло и третье государство, *Хорезм*, с центром в городе Ургенче.

Между ханами Могулистана и ханами Мавераннахра происходила почти непрерывная борьба за власть и спорные территории. И вот в это время недалеко от Самарканда в городе Кеш (ныне Шахризабс) в 1336 году родился Тимур. Он происходил из монгольского рода Барлас. Говорят, что астрологи изумились ряду счастливых стечений обстоятельств при его рождении. Уже в 12 лет Тимур начал ходить в битвы. Повзрослев, он собрал вокруг себя дружину в несколько сот человек и поступил в 1361 г. на службу к хану Могулистана – Туглуку, захватившему в этом году Самарканд. Однако скоро Тимур отделился от монголов и перешел на сторону их врага – правителя Мавераннахра тюркского эмира Хусейна. Некоторое время они с небольшим отрядом вели жизнь искателей приключений, и во время одной стычки Тимур лишился двух пальцев на правой руке и был тяжело ранен в правую ногу, отчего стал хромым. За это враги насмешливо его прозвали Тимур-хромец, или Темир-Аксак по-тюркски, а также Тимур-Лонг по-персидски, из чего европейцы составили испорченное имя *Тамерлан*.

В 1370 г. Хусейн погиб и правителем Самарканда, Бухары и всей страны между реками Амударьей и Сырдарьей стал Тимур. Тимур был ревностным мусульманином, хорошим воином и известным писателем. Он избрал своим местопребыванием Самарканд и украсил его великолепными постройками. Первые годы своего единодержавного правления Тимур посвя-

тил установлению порядка в стране и безопасности на ее границах (борьба с мятежными эмирами, походы на Семиречье и Восточный Туркестан). Но он мечтал восстановить славу державы Чингисхана. «Все пространство населенной части мира, – говорил он, – не стоит того, чтобы иметь двух царей». Для этого он создал сильное профессиональное войско из кочевых чагатаев – «гулямов» (удальцов).

В 1379 году Тимур начал свои завоевания. В этом году он завоевал Хорезм. Главный город Хорезма – Ургенч – соперничал в торговле с Самаркандом. Тимур приказал разрушить Ургенч до основания. Часть населения перевели в Самарканд, а место, где стоял Ургенч, засели ячменем. Затем Тимур двинулся на Персию. Восточную Персию (Хорасан) он завоевал легко. В 1381 г. был взят Герат; в 1382 г. правителем Хорасана был назначен сын Тимура – Мираншах; в 1383 г. Тимур опустошил Сеистан. В западную часть Персии и прилегающие к ней области Тимур совершил три больших похода – так называемые «трехлетний» (с 1386 г.), «пятилетний» (с 1392 г.) и «семилетний» (с 1399 г.).

Завоевание Персии сопровождалось борьбой с Тохтамышем. Первое столкновение Тимура с Тохтамышем произошло в 1383 г. на землях Хорезма, которые по завещанию Чингисхана должны были входить в улус Джучи. Второе столкновение произошло в Азербайджане. Так началась война между двумя культурами: степной евразийской и исламской, представителем которой был Тимур. Во время первого похода в западную часть Персии Тимур должен был вернуться обратно вследствие нашествия на Мавераннехр золотоордынского хана Тохтамыша в союзе с семиреченскими монголами (1387). Вернувшись с отборными частями в Среднюю Азию, Тимур настиг Тохтамыша в Фергане и разбил его, после чего Тохтамыш бежал с остатками войск в Западную Сибирь. Тимур понимал, что война с Тохтамышем может быть выиграна только в собственных татарских владениях, поэтому ранней весной в 1389 г. он двинулся на север, во владения Тохтамыша, совершив опустошительный поход в глубь монгольских владений до реки Иртыш. В 1391 он повторил поход против Тохтамыша. На сей раз Тимур прижал ханские войска к Волге. Несмотря на мужество татарской конницы, Тохтамыш потерпел поражение. Регулярная армия Тимура, его грозные гулямы одержали решительную победу в битве при реке Кондурче – одном из притоков Волги.

Во время «пятилетнего» похода (с 1392 г.) Тимур завоевал прикаспийские области, западную Персию и взял штурмом Багдад, вторгся в Закавказье, опустошил Азербайджан, Армению и Грузию. На Северном Кавказе владения Тимура вплотную подошли к владениям Золотой Орды. Это вызвало новый поход Тохтамыша против Тимура. На реке Терек произошла кровавая битва между двумя войсками. Татары проявили исключительный героизм, но татарское ополчение снова не выдержало натиска регулярной армии. Тохтамыш вынужден был бежать, а Тимур двинулся дальше, прошел через прикаспийские степи и вторгся в центр Золотой Орды. Он взял и сжег Астрахань и Сарай, и в конце лета 1395 года взял города Елец, который обороняло русско-татарское войско. Теперь Тимур намеревался пойти дальше на Русь и захватить Рязань и Москву.

Великий князь Василий Дмитриевич, однако, не растерялся и велел немедленно собирать воинские силы, с которыми он встал на берегу Оки, у Коломны. Естественно, после Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша Русь была обескровлена и не могла собрать таких сил, как в 1380 году, чтобы отразить поход грозного Тимура. Тогда Василий I обратился со всем своим войском с молитвенной помощью к Господу, Пресвятой Богородице и московским угодникам Петру, Алексею и Сергию. Не довольствуясь этим, князь приказал принести из Владимира в Москву чудотворную икону Богородицы, с которой некогда победил болгар князь Андрей Боголюбский. В самый день и час встречи москвичами крестного хода с иконой *Владимирской Божией Матери* Тимур, как повествует церковное предание, увидел во сне, что с вершины великой горы шли многие святители с золотыми жезлами, а в воздухе над ними в лучезарном сиянии находилась окруженная молнеобразными воинами Жена. Тимур в испуге проснулся,

созвал вельмож и спросил у них: «Кто эта величественная Жена?» – «Это – Богоматерь, защитница христиан», – ответили вельможи. «Итак, мы не одолеем их!» – сказал Тимур и велел своим полчищам идти обратно. В память этого чуда на месте, где была встречена чудотворная икона, был основан *Сретенский монастырь*, и в день встречи (сретения) ее, 26 августа (8 сентября), установлен праздник *Сретения Богоматери*. С этого времени этот образ остался в Москве, в Успенском соборе, а вместо нее во Владимире поставлен был список, написанный митрополитом московским Петром.

Возвращаясь назад в Среднюю Азию, Тимур разорил Крым, подавил восстание черкесов, осетин и грузин, и в 1396 г. вернулся в Самарканд. В 1398 г. он предпринимает поход в Индию; по дороге Тимур победил горцев Афганистана, а в декабре 1396 г. он под стенами Дели разбил войско индийского султана династии Тоглукидов, без сопротивления занял город, который через несколько дней был разграблен войском. В 1399 г. Тимур дошел до берегов Ганга, на обратном пути взял ещё несколько городов и крепостей и вернулся в Самарканд с огромной добычей, однако завоеванные земли не присоединил к своим владениям.

Но на этом победоносные войны Тимура не кончились. Последний «Семилетний поход» (с 1399 г.) он совершает опять в Западную Персию, где правил его сын Мираншах, решивший отложиться от своего отца. Тимур низложил своего сына и разбил вторгшихся в его владения врагов. В 1400 г. началась война с османским султаном Баязитом, захватившим город Арзинджан, где правил вассал Тимура, и с египетским султаном Фараджем. В 1400 г. Тимур взял Сивас в Малой Азии и Халеб (Алеппо) в Сирии (принадлежавшей египетскому султану), а в 1401 г. – Багдад. В 1402 г. в знаменитой битве при Ангоре гулямы Тимура разбили войско султана Баязита с его дотолем непобедимыми янычарами. Тимур разграбил все города Малой Азии, даже Смирну (принадлежавшую иоаннитским рыцарям). Турки осаждали Смирну 20 лет и не могли взять, а Тимур взял крепость штурмом в несколько дней. Когда же к Смирне прибыли венецианские и генуэзские корабли с помощью и припасами для осажденных, то воины Тимура забросали их из катапульт головами рыцарей. После этого в 1404 году Тимур вернулся в Самарканд, и сразу стал готовить поход в Китай. В январе 1405 года Тимур прибыл к своему войску в крепость Отрар, чтобы возглавить поход в Китай, но здесь он заболел и умер 15 февраля 1405 года. Так закончил свой жизненный путь великий завоеватель Тамерлан.

Биография Тимура во многом напоминает биографию Чингисхана: оба завоевателя начали свою деятельность как предводители набранных ими лично отрядов приверженцев, которые и потом оставались главной опорой их могущества. Подобно Чингисхану, Тимур лично входил во все подробности организации военных сил, имел подробные сведения о силах врагов и состоянии их земель, пользовался среди своего войска безусловным авторитетом и мог вполне полагаться на своих сподвижников. Но Тимур был не только прекрасным полководцем, но и образованным по тем временам человеком. Кроме своего родного (тюркского) языка, он говорил по-персидски и любил беседовать с учёными, в особенности слушать чтение исторических сочинений; своими познаниями в истории он привёл в изумление величайшего из мусульманских историков Ибн Халдуна.

Чтобы представить, от какого врага нас спасли Господь и Пресвятая Богородица, нужно знать, что Тимур не потерпел ни одного поражения, а его завоевания сопровождались жестокостями, не уступавшими, а, пожалуй, даже превосходившими жесткости Чингисхана, Батыя, Хулагу и других монгольских завоевателей XIII века. О систематических и массовых убийствах, совершенных Тимуром, свидетельствуют следующие факты. В 1387 г. во время похода в Иран по его приказанию в городе Исфаган было обезглавлено 70 тыс. человек мирного населения, из голов которых была сложена колоссальная пирамида. В Индии в 1398 г. Тимур приказал умертвить 100 тыс. пленников, так как их было обременительно вести далеко в Среднюю Азию. Массовое избиение мирного населения было произведено в Багдаде, где в 1401 г. в один день было убито 90 тыс. человек. При малейших попытках сопротивления покоренного насе-

ления Тимур приказывал погребать людей заживо. Так, например, в 1389 г. он расправился с жителями Себзеvara (в Хорасане), приказав своим воинам закладывать битым кирпичом и известью брошенных в канавы живых людей и возводя таким образом из трупов целые стены.

Но даже после своей смерти Тимур угрожал людям войною. В Средней Азии существовала легенда, якобы записанная в старинной книге, рассказывающая: «кто вскроет могилу Тамерлана – выпустит на волю духа войны. И будет бойня такая кровавая и страшная, какой мир не видал во веки вечные». Кроме того, надгробная надпись на нефритовой плите могилы Тимура гласит: «Всякий, кто нарушит мой покой в этой жизни или в следующей, будет подвергнут страданиям и погибнет». Исторически достоверен тот факт, что гробница Тамерлана в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде была вскрыта советскими учёными 21 июня 1941 года, а прах Тимура археологами был перевезен в Москву. Но в октябре 1942 года по личному приказанию Сталина прах Тамерлана решено было вернуть обратно в могилу. Это было осуществлено 19–20 ноября 1942 года; в эти дни произошел перелом в Сталинградской битве.

Составленная из разных национальных элементов, сколоченная грубой военной силой, не имевшая определенной единой базы, империя Тимура была эфемерной и кратковременной. Уже после смерти Тимура она начала распадаться. Сын и преемник Тимура, султан Шарух (1405–1447), оставил под своим контролем только Среднюю Азию, Афганистан и Иран. Он перенес свою столицу в город Герат (в Хорасане), выделив Мавераннахр своему сыну *Улугбеку*. Внук Тимура, Улугбек, был последним значительным правителем в Средней Азии; его имя связано с основанием большой обсерватории в Самарканде, в которой проводились очень точные вычисления. В его время жил знаменитый поэт и мыслитель *Навои*, автор известной поэмы «Фархад и Ширин». Улугбек правил с 1409 по 1449 год. Причем последние два года, после смерти султана Шахрана, Улугбек был султаном всего тимуридского государства. Но в 1449 г. он был свергнут и убит своим сыном. Спустя 20 лет Мавераннахр и Хорасан окончательно разделились.

Решительный удар по державе Тимура был нанесен *узбеками*. Узбеки представляли собой соединение различных племен, кочевавших в степях Средней Азии. Они раньше входили в состав Золотой Орды и называли себя узбеками по имени золотоордынского хана Узбека. Их основным занятием было скотоводство. К началу XVI века узбеки объединились под властью хана *Шейбани*. При нем они проникли в Междуречье Амударьи и Сырдарьи, стали оседать в плодородных долинах и переходить к земледелию. Шейбани завоевал Самарканд, а затем Бухару и подчинил себе все владения потомков Тимура. Однако у узбеков не сложилось централизованного государства; их владения разбились на несколько государств, во главе которых стояли отдельные узбекские ханы – между которыми шли постоянные феодальные войны. При узбекских ханах Самарканд утратил свое значение столицы, и столицей стала Бухара. Самостоятельное узбекское ханство образовалось в XVI веке также в Хиве. Наряду с узбеками, в XVI веке в Среднюю Азию с верхнего течения Енисея проникают *киргизы*. Часть киргизов оставалось на берегах Енисея еще в XVII веке.

2. Борьба с Витовтом и нашествие Едигея. В любом случае появление на исторической арене Тимура оказалось весьма благоприятным для Руси. Он нанес Золотой Орде такое поражение, от которого она не могла оправиться более 10 лет. Князь Василий Дмитриевич по совету молодых бояр воспользовался сложившейся ситуацией и не стал платить дань в Орду. Он не думал ехать в Орду на поклон и даже перестал туда посылать посольства с подарками. Кроме того, ему удалось заключить союз со ставленниками Тимура в Золотой Орде, ханами *Темир-Кутлугом*, *Шадибеком* и мурзой *Едигеем*, против Витовта и бежавшего в Литву Тохтамыша.

Теперь для Русской земли и Москвы наиболее опасным становиться западный сосед – Литва. Литва, как мы помним, в 1386 г. заключила унию с Польшей, закрепленную династическим браком литовского князя Ягайлы и польской королевы Ядвиги. И хотя Ягайло, при-

няв имя Владислава, начал поддерживать католическую экспансию, ввести Великое княжество Литовское в состав Польского королевства ему не удалось. Уния очень плохо воспринималась не только огромным большинством православного русского населения, но и представителями языческой литовской знати. Удельные литовские князья боролись с политикой Ягайлы, и бежавший из плена двоюродный брат Ягайлы, Витовт, сын Кейстута, принял в этой борьбе живейшее участие. В 1392 г. он возглавил Великое княжество Литовское.

Вначале внимание Витовта было отвлечено на войну с немецкими Орденами в Прибалтике. Но, заключив в 1394 г. мир с немцами, литовский князь вновь обращает свои взоры на восток. В 1395 г. он захватывает Смоленск. В связи с тем, что московский князь Василий I проводил вначале пролитовскую политику, борьбу с Литвой возглавил рязанский князь Олег (тесть смоленского князя Юрия). После Смоленска Витовт обратился к Новгороду и потребовал от новгородцев подданства. Однако в этот момент внимание князя отвлекли ордынские дела. Тохтамыш, потерпев поражение от Тимура и его ставленников, обратился за помощью к Витовту. Литовский князь согласился помочь на условиях, что, утвердившись в Орде, хан поможет Литве овладеть Москвой. Так утвердился новый антимосковский альянс, грозивший Василию I не меньшей опасностью, чем прошлый союз Мамаю с Ягайло.

Однако события 1399 года помешали осуществиться этому союзу. В этом году навстречу Витовту и Тохтамышу, которые собрали огромное войско и двинули его в Подолию, вышел новый хан Золотой Орды, Темир-Кутлуг, с небольшим татарским отрядом. Оба войска встретились на реке Ворскле. Витовт потребовал безоговорочной капитуляции, ведь у него было около 100 тыс. человек: литовцев, белорусов, поляков и немецких рыцарей. Темир-Кутлуг ввязался в переговоры, стараясь оттянуть начало битвы, поскольку ожидал, когда к нему на помощь подойдет из причерноморских степей мурза Едигей. Когда наконец подошел Едигей со своим войском, тот тоже ввязался в переговоры и на требование Витовта покориться ему и чеканить в Орде монету с его изображением насмешливо ответил: «Хан наш справедливо мог признать тебя отцом: ты старше его летами, но моложе меня. Покорись мне, плати дань и на литовских деньгах изображай печать мою!»

Взбешенный таким ответом, Витовт прервал переговоры и двинул свои войска на татар. Едигей, выставив против огромного войска врага свой небольшой отряд, начал медленное отступление. Литовская артиллерия не могла нанести большого ущерба разбросанным татарским отрядам. А тем временем Темир-Кутлуг со своим отрядом совершил глубокий обход и оказался в тылу войск Витовта. Он ударил литовцам в спину, вызвав панику. Побежало все войско Витовта. Началось его избиение. Татары беспощадно резали, топтали, забирали толпами в плен усталых и оторопевших воинов. Одних князей убитых летописец насчитывает до двадцати. Едва ли спаслась треть литовского войска. Татары гнались за бегущим войском Витовта 600 верст до самого Киева, предавая все на своем пути страшному разорению. Но опустошением части Литовского княжества дело и кончилось: татары, видно, уже были не в силах поработить всю Литву и обложить ее данью. Интересно, что сам Тохтамыш в битве не участвовал, он предпочел увести свое войско вдоль южнорусской границы в Сибирь.

Одержав Витовт победу над татарами на Ворскле, подобную Куликовской, он вошел бы в такую силу, что Москве и другим русским княжествам не было бы возможности устоять против него. Разгром Витовта позволил рязанскому князю Олегу вместе со смоленским князем Юрием отбить в 1401 г. Смоленск. Но в 1402 г. умер главный соперник Витовта на востоке, Олег Рязанский, и литовский князь, набрав силы, возобновил натиск на русские земли. Опять разгорелась борьба за Смоленск. Первая осада Смоленска в 1404 г. завершилась для литовцев неудачно. Литовское войско семь недель безуспешно осаждало крепость, обстреливая ее из пушек, а затем отступило. Отразив натиск, смоленский князь Юрий поехал в Москву за поддержкой. Но в его отсутствие смоленские бояре изменили князю, и, когда литовцы вновь подошли к городу, они открыли ворота врагу. Правда, их надежда на управление городом не

сбылась, поскольку Витовт везде поставил своих наместников. Так крупнейшая русская крепость, «западные ворота» Русского государства, на 110 лет вошла в состав Великого княжества Литовского. Поучительна судьба смоленского князя Юрия: лишившись княжества, он удалился в один пустынный монастырь под Тулой (Никольский Венев-монастырь).

Ободренный смоленским успехом, в 1405 г. Витовт напал на Псков. Псковичам с помощью новгородцев удалось отбиться. Но ни те, ни другие не надеялись справиться с Литвой собственными силами и потому попросили помощи у Москвы. Реальная опасность перехода огромных русских территорий на севере под власть Литвы заставила Василия Дмитриевича пересмотреть союзные отношения со своим тестем. На сей раз Москва стала вооружаться, разорвав союз с Витовтом. В 1406 г. московское войско, в состав которого вошли ордынские полки хана Шадибека, встретилось с армией Витовте на реке Плаве, где было заключено временное перемирие. В следующем году литовские войска взяли Одоев, а московские вторглись в литовские владения и захватили город Дмитровец. Кульминацией московско-литовской войны (1406–1408) стало стояние на реке Угре (приток Оки). Настала решительная минута, когда могла повернуться судьба народов Восточной Европы. Однако после нескольких стычек москвичи и литовцы все же не решились на крупное столкновение. Простояв много дней друг напротив друга, они заключили перемирие, по которому границей между Литвой и Московским княжеством стала река Угра. Смоленск и так называемые Верховские, или Верхнеокские, княжества (Перемышльское, Воротынское, Новосильское, Одоевское и Белевское) остались в составе Великого княжества Литовского. Внутренние дела в княжестве, а также начавшаяся борьба с Тевтонским орденом отвлекли Витовта от продолжения натиска на восток. Так закончилась в княжение Василия I борьба с Литвой. Но как только было подписано перемирие с Литвой, неожиданный удар нанесла Золотая Орда.

В то время в Орде всеми делами заведовал мурза Едигей. Он стал напоминать Москве, что надо рассчитаться по дани, но Василий I не реагировал на его требования. Не имея смелости явно напасть на Москву, он дал знать Василию, что со всею Ордою хочет ударить по Литве. Но внезапно, к ужасу москвичей, он с огромными силами устремился к Москве. Василий Дмитриевич поступил точно так же, как его отец во время нашествия Тохтамыша, с той лишь разницей, что поставил защищать город своего дядю – героя Куликовской битвы *Владимира Андреевича Храброго*. Уехав в Кострому собирать войско, он надеялся, что Москва с ее крепкими стенами и пушками продержится долго. Владимир Андреевич сжег посады вокруг Кремля, чтобы не дать прикрытия татарам, и изготовился к бою. Татары в конце ноября осадили Кремль, но приступы делать опасались. Едигей, возлагая надежды на сепаратизм Твери, потребовал от нее военной помощи. Но тверской князь Иван Михайлович не стал помогать захватчикам. Тем не менее Едигей все же решил зимовать под Москвой, чтобы одолеть защитников с помощью голода. Между тем татарские шайки, рассыпавшись по великокняжеским областям, начали опустошать города, села, церкви и монастыри. Татарские отряды разорили города Нижний Новгород, Ростов, Переяславль, даже знаменитая Троицкая обитель была опустошена татарами. Но в монастыре татары не нашли никого. Дело было в том, что игумену монастыря, преподобному *Никону*, во время молитвы, явился св. Сергей Радонежский и объявил, что по судьбам Божиим татарское нашествие коснется обители, но только она не будет совершенно опустошена и после распространится еще более. Поэтому Никон с братией, церковными и монастырскими вещами скрылся из монастыря на это время.

Едигей простоял под Москвой три недели. И когда уже почти истощились хлебные запасы, Едигей внезапно снял осаду города и ушел назад в Орду, взяв с москвичей большой откуп (3 тыс. рублей). Дело было в том, что по Божьему Промыслу в Орде начались усобицы, и он вынужден был уйти. Данный поход стал последним крупным нападением Золотой Орды на Русь. Сам же престарелый Едигей погиб в 1411 году в междоусобной борьбе. После него Золотая Орда начала постепенно раскалываться на ряд независимых ханств.

После Едигея ордынские татары уже не появлялись под Москвой, но набеги на другие русские города делали. Так, в 1411 г. сын свергнутого нижегородского князя Бориса Константиновича. Даниил, тайно привел татарский отряд к Владимиру. Татары подкрались к городу в полдень, во время послеобеденного отдыха жителей, и без труда овладели им, избив множество людей, затем зажгли его со всех сторон и предались неистовому грабежу. При этом значительная часть их устремилась к соборной церкви Владимирской Божией Матери, чтобы разграбить ее. Но священник *Патрикий* успел спрятать сокровища храма. Татары стали пытаться его. Они ставили его на пылающую сковороду, вбивали щепы за ногти, сдирали кожу, но Патрикий не сказал им ни слова. Тогда татары привязали его к хвосту лошади и влачили по городу, пока доблестный пастырь не испустил свой дух. Такие же отдельные разбойнические набеги татарских царевичей и князей-предателей имели места и в других частях Русской земли.

Последние годы правления великого князя Василия I Дмитриевича прошли спокойно, без войн и расширения территории Московского княжества. Скончался князь в 1425 году, пережив своего отца по возрасту на пять лет. Он представлял собой достойное продолжение дипломатической линии своего деда и прадеда. Два столетия вассальной зависимости, постоянное нахождение между литовским молотом и ханской наковальней воспитали в московских политиках такие качества, как терпение, скрытность, осторожность, расчетливость и настойчивость. Для них главными были не сроки, а цели. Василий I не спешил, надеясь на своих потомков. И в этом плане он не ошибся.

Что касается Витовта, то смерть Василия I развязала ему руки на востоке, ведь, умирая, Василий Дмитриевич «поручил» свою жену и десятилетнего сына вниманию своего тестя. Сделавшись законным опекуном московского великого князя, Витовт начал энергично проводить политику подчинения себе всех остальных русских княжеств. Вскоре после смерти Василия он сумел заключить союзные договоры с двумя главными соперниками Москвы – Тверью и Рязанью.

К концу 20-х годов XV века Витовт сумел устранить препятствия к расширению территории своего государства и со стороны немецкого Тевтонского Ордена, после Грюнвальдской битвы, и со стороны Руси. Следующий его шаг был связан со стремлением избежать зависимости от Польши. Великий князь уже хлопотал перед немецким императором о пожаловании ему королевского титула, когда в помыслы человеческие вмешались природа и Промысел Божий. В 1430 году Витовт умер, достигнув возраста 80 лет (он родился в один год с Дмитрием Донским). Со смертью этого великого государственного деятеля Литвы в его княжестве начались внутренние смуты.

Из книги В.Д. Сиповского «Родная старина» о быте русского народа при татарских погромах и поборах: *«От погромов татарских и поборов бедность, нищета и горе были повсюду. Хоть народу стало легче, когда вместо татарских сборщиков стали русские князья сами собирать дань и отвозить ее в Орду; но и князья принуждены были брать с народа своего очень много, чтобы насытить корыстолюбие ханов, их жен и ханских вельмож. Кроме прямой дани, приходило еще установить разные налоги и пошлины. За право торговли, за провоз товаров должны были платить известные налоги, собирались пошлины с разных промыслов: с рыбных ловель, с мельниц и пр. Со всех почти промыслов и занятий шли пошлины. Прежде до татарского нашествия этого не было: платили только дань князьям, да и то небольшую. Понятно, что с владычеством татар не могли на Руси процветать ни промыслы, ни торговля.*

Бедность да неволя вредили сильно и нравам. Бедняки привыкали унижаться, прибегать к разным уловкам и обманам, чтобы соблюсти свои выгоды. Торговцы, платившие большие пошлины, старались купить товар за бесценок, а продать втридорога. Ремесленники, которым давали купцы слишком низкую плату за их изделия, не старались улучшать их, а заботились только о том, как бы побольше да поскорее наработать товару да сбыть как-

нибудь с рук долой. Сложилось даже убеждение, что без обману ни в торговле, ни в промыслах обойтись нельзя. Безысходная нужда побуждала многих к нищенству: «ходить по миру» многим, даже и здоровым людям, казалось более выгодным промыслом, чем какая-либо работа. Богатство, достаток были в те времена только приманкою и для хищных татар, и для других «лихих людей». Зажиточному человеку, чтобы не нажить беды какой-либо, приходилось скрывать свое имущество, прикидываться бедняком, а «с босого да нагого – взятки гладки!» В те злосчастные годы привыкали люди жить кое-как, перебиваться изо дня в день, не заглядывать в неверное будущее, – являлась беспечность, привычка жить на авось. Но по пословице «нужда слабого мнет, а в крепком волю кует» мы видели уже, какие сильные духом подвижники являлись в те тяжёлые времена. Но и из тех, которые не уходили от мирской жизни, немало было людей сильных, крепких волею. Среди всяких бед и невзгод складывались нравы русского народа и свойства: сметливость, находчивость, изворотливость и та необычайная выносливость, которая и до сих пор удивляет иностранцев в русском человеке. «Голь на выдумки хитра», «Нужда научит калачи есть!» – говорит наш народ в своих пословицах. Научился он подсмеиваться, хоть иной раз и горько, над своим горем-злосчастьем. «Наготы, босоты изувешены шесты; холоду да голоду амбары полны», «Шапка волосяная, рукавицы своекожаные», – говорит народ в пословицах о своей бедности.

Не только в народе была бедность, была она и в других сословиях; таких богатых людей, какие встречаются в наше время, тогда и в помине не было. Даже великие князья того времени были не богаче нынешних крупных помещиков».

III

. Великое княжество Московское в княжении Василия

II

Васильевича («Темного»)

1. Флорентийская уния и разделение Русской Церкви. Падение Константинополя. Первая половина XV века характеризовалась важными изменениями в истории Русской Православной церкви. Начнем с того, что в начале XV века в Литве католики добились больших успехов. После Грюнвальдской победы Литвы и Польши над немецкими крестоносцами, в 1413 г. между обоими государствами была подписана *Городельская уния*. Польша и Литва соединялись в одно государство на тех условиях, что Литва будет всегда иметь своего особого великого князя и свое особое управление. При этом литовское дворянство уравнивалось в своих правах с польским. Но означенным правом могли пользоваться только те литовские дворяне, которые принимали католичество. После смерти Витовта права католиков в Литве еще больше усилились. Между сыном Ольгерда, *Свидригайло*, придерживающимся православной ориентации, и братом Витовта, *Сигизмундом*, опирающимся на католиков, началась борьба за титул великого князя литовского. В этой борьбе победил Сигизмунд. В 1432 г. он издал указ, в соответствии с которым православные русские князья и бояре уравнивались в правах с католиками. Но вскоре Сигизмунд сам пал жертвой заговора. Великим князем был провозглашен в 1440 году сын Ягайлы – *Казимир*, а после того как его брат, польский король Владислав III, погиб в битве с турками при Варне, Казимир занял еще и польский трон, уравнивая в правах своих польских и литовских подданных. После этого многие литовцы перекрестились из православия в католичество и Литва превратилась официально в католическое государство.

А вот в Москве, которая также управлялась внуком Витовта, сыном Софьи Витовны – великим князем *Василием Васильевичем*, попытка католиков достичь победы осталась безрезультатной. В 1406 году умер митрополит *Киприан*, занимавший Московскую кафедру с разными перерывами с 1378 года. Как известно, из-за своей пролитовской ориентации он был во вражде с великим князем Дмитрием Донским, но вот с его сыном, великим князем Василием Дмитриевичем, тестем литовского князя Витовта, он был в мире и согласии. При нем уже шли хлопоты об устройстве в Литве особой митрополии. Но после смерти Киприана снова начи-

нается разделение в Русской церкви, потому что Москва опять рассорилась с Литвой. Стоит напомнить, что тогда юрисдикция Русской митрополии распространялась не только на Северо-Восточную Русь, но на Великое княжество Литовское. По просьбе Василия из Греции прислали митрополитом старого инока *Фотия*. Между Василием и Витовтом зашел спор, где должна быть кафедра Русской митрополии: в Киеве или в Москве. Фотий выбрал Москву, тогда в 1414 году Витовт собрал собор из литовских епископов и настоял на избрании для Литвы особого митрополита. Им был избран Григорий Цамблак, родом серб, племянник митрополита Киприана. Но после его смерти в 1419 г. Русская церковь опять соединилась под властью Московского митрополита Фотия.

После смерти митрополита Фотия (1431 г.) великий князь и собор епископов нарекли митрополитом рязанского епископа – *Иону*, ревностного пастыря и человека высокого благочестия. Но в Литве выбрали своего кандидата на митрополию, смоленского епископа Герасима; однако в 1435 г. литовский князь Свитригайло сжег его в Витебске по подозрению в измене. После его смерти Иона отправился в Грецию за посвящением, но, когда прибыл туда, император Иоанн Палеолог и патриарх Иосиф известили его, что он опоздал и что в Москву в качестве нового митрополита уехал *Исидор*, а ему пообещали митрополию только после Исидора. У греков тогда самой актуальной проблемой была борьба с турками-османами, поэтому они всячески стремились к заключению церковной унии с Римом, пытаясь таким способом получить от Запада военную помощь. С этой целью и поехал из Константинополя в Москву митрополит Исидор.

Византийская империя, едва восстановившаяся в ослабленном виде после четвертого крестового похода, вынуждена была вести непрекращающиеся войны с турками-османами. Первоначальной родиной турок была Средняя Азия (Туркестан), где они с давних времен славились своей большой воинственностью. Отсюда на народы Европы и Азии выплескивались волны турецких движений. Первую волну этого движения составили *турки-сельджуки*, которые в середине XI века завоевали большую часть арабских владений. Турки переняли от арабов ислам и препятствовали возникновению государства крестоносцев в Палестине. В конце XIII века на северо-западе Малой Азии, на территории распавшегося государства турок-сельджуков, образовалось новое воинственное государство во главе с князем *Османом*. Объединенные под его властью племена стали называться *турками-османами*. Позже глава Османского государства принял титул султана. Вначале турки-османы начали совершать грабительские набеги на Балканский полуостров против болгар и сербов. Константинополь, охваченный со всех сторон турками, благодаря своим крепким стенам и постоянным богатым дарам, подносимым султанам, сохранял еще независимость. Но уже в 1361 г. султан *Мурад I* захватил у Византии Адрианополь и перенес сюда свою столицу из Азии. Император должен был признать себя вассалом султана и платить ему дань, а также участвовать в его походах. При Мураде был учрежден корпус «янычар» – отборной турецкой пехоты, набиравшейся исключительно из христианских детей, воспитанных турками в самой большой ненависти к вере их отцов.

Утвердившись в Адрианополе, Мурад стал деятельно готовиться к полному порабощению южных славян. Сначала он вторгся в Болгарию. Почти каждый город туркам приходилось брать с боем. Но болгарские князья не сумели объединиться для отпора завоевателям, и в XIV веке Болгария попала под власть султана. Подчинив Болгарию, турки обрушились на Сербию. Решительная битва произошла в 1389 году, в самый год смерти Дмитрия Донского, в самом центре страны – на *Косовом поле*. У турок было в три раза больше войск, чем у сербов. Силы сербов были ослаблены раздорами между князьями. Многие князья не явились со своими отрядами на поле боя, другие лишь наблюдали за ходом битвы. С самого начала сражение было очень ожесточенным. Во время боя храбрый сербский патриот *Милош Обилич*, идя на верную смерть, пробрался в турецкий лагерь и поразил мечом султана Мурада. В стане турок возникло

замешательство. Сербы начали теснить врага. Но сын султана ввел в бой свежие отборные войска. Турки разгромили сербов, захватили в плен и убили их короля *Лазаря Сербского*.

Новый султан *Баязид I* довершил покорение Сербии и Болгарии, а в 1396 г. нанес под *Никополем* страшное поражение рыцарям нового крестового похода, созданного против него папою Бонифатием IX. Из 60 тыс. войска крестоносцев до 10 тыс. рыцарей попали в плен и по приказу султана были перебиты, кроме 300 знатных пленников, которым сохранили жизнь ради выкупа. Остальные погибли в бою или бежали. После этих побед Баязид устремил все свои усилия, на то чтобы окончательно покорить Константинополь. В течение пяти лет он держал город в осаде, от которой тот, без сомнения, должен был пасть. Но вдруг само Провидение спасла город от турок. Баязид снял осаду города, чтобы вступить в войну с Тимуром (Тамерланом). Как известно, в битве при Ангоре в 1402 г. войско Баязита было разбито. Сам Баязид был захвачен в плен и привезен в клетке к Тимуру, который отпустил его в качестве своего данника. Эта победа Тимура над турками отсрочила на полстолетия падение Константинополя. Временной передышкой решили воспользоваться император *Иоанн Палеолог* и патриарх *Иосиф*, чтобы через церковную унию получить помощь от Запада.

Для решения вопроса об унии в 1438-1439 гг. в итальянском городе *Флоренции* собрался церковный собор. Кроме императора, папы и патриарха, на соборе были многие митрополиты и епископы от восточной и западной части христианского мира. От Русской церкви сюда прибыл митрополит Исидор. Перед отправлением на собор великий князь Василий предупредил его: «Нового и чужого не приноси нам – мы того не примем». Исидор поклялся стоять за Православие. Но чего стоили клятвы человека, присланного из Константинополя с определенной целью, стало уже ясно, когда он пересек границу Русской земли: в Юрьеве-Ливонском он даже не пошел в православный храм, а направился с немцами в костел, где и стоял всю службу.

Трудно было ждать чего-то доброго и от собора. Уже при его открытии возник спор, кто займет центральное место на соборе: византийский император или римский папа Евгений IV. Было решено, что в центре собора будет лежать Евангелие, справа будут сидеть папа и католики, а слева – император и православные. Затем для прений со стороны западного и восточного духовенства выбрали более ученых и красноречивых людей. Греки выбрали Марка Ефесского, митрополита Исидора и Виссариона Никейского. Главный спор зашел об исхождении Святого Духа. Греки держались учения, что *Дух Святой исходит от Отца*, а римляне прибавляли: и от *Сына*. При этом они ссылались на некоторые древние рукописи, а греки утверждали, что они подложные. Пятнадцать раз сходилась собор для прений по этому вопросу. Споры становились резкими. Особенно горячо ратовал против латинской ереси *Марк Ефесский*, при этом митрополит Исидор проявил себя сторонником папы и унии. Император и папа всеми силами старались сдерживать раздоры, в дело даже пускались раздоры и подкупы. Наконец греки уступили и согласились признать учение западной церкви об исхождении Св. Духа от Отца и Сына, а также и о том, что, кроме ада и рая, есть еще чистилище, где очищаются души от грехов для перехода в рай. Признали также, что опресноки и квасной хлеб одинаково могут употребляться при священнодействии, а главное, чего добивался папа – признали, что он – наместник Христа и глава всей христианской церкви и византийский патриарх должен подчиняться ему.

И вот по завершении собора 6 июля 1439 года в главном Флорентийском соборе служилась необыкновенная торжественная обедня. При огромном стечении народа папа благословлял императора, епископов и сановников. Со слезами на глазах он зачитал хартию (грамоту) о воссоединении церквей. «Да возрадуется небо и земля» – говорилось в ней. – Рушится преграда между восточной и западной церковью. Мир возвратился на краеугольный камень Христа: два народа уже составляют единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихий свет согласия сияет снова!.. Да ликует мать наша церковь, видя чад своих, после долговременной разлуки соединенных снова любовью; да благодарит Всемогущего, который осушил ее горькие слезы о них!» Далее шли статьи, принятые на Флорентийском соборе.

С ликованием подписывали их римский папа и католические епископы. Но император и многие восточные епископы подписывали их, скорбя сердцем, по нужде (а Марк Ефесский даже отказался подписывать хартию), – вот почему все дело оказалось непрочным, да и выгод оно никому не принесло. В Константинополе, когда узнали, на каких условиях состоялось соединение церквей, поднялось сильное волнение: народ видел в этом соединении измену православию. На Руси уния тоже не была принята.

Но митрополит Исидор, сильно ратовавший за унию, получил от римского папы звание кардинала и папского легата для всех «северных стран» (лифляндских, литовских и русских). Еще с дороги он разослал окружные письма, призывая христиан обоих исповеданий безразлично ходить и в православные, и в католические храмы и приобщаться одинаково и в тех, и в других. Зимой 1440-1441 гг. он пробыл в Киеве, откуда в конце концов киевляне его выгнали за вероотступничество. Весной 1441 г. он прибыл в Москву. На первой же литургии в Успенском соборе он явился с преднесением латинского креста, поминал вместо патриарха папу, а после литургии велел читать акт Флорентийского лжесобора. После чего в храме наступила злоедающая пауза, настолько всех поразило решение собора и поведение митрополита. Первым опомнился князь, назвав митрополита «ересным прелестником», «лютым волком», «лжепастырем, губителем душ». Он велел заточить Исидора в Чудов монастырь и созвал собор русского духовенства для рассмотрения флорентийской грамоты. Собор признал флорентийский акт незаконным. Исидор же упорствовал в отстаивании решений Флорентийского собора. Ему удалось бежать из Москвы в Тверь, надеясь, что жители города, как давние соперники Москвы, поддержат его, но и там его ждала неудача: его посадили под замок. Из Твери он тоже бежал, на этот раз в Литву. Но русские люди, жившие под иноверной властью Польши и Литвы, отвергли раскольнические замыслы Исидора не менее решительно, чем их единоверцы в Москве и Твери. Русское религиозное самосознание выдержало это испытание на верность своему долгу. Исидору ничего не оставалось, как найти себе приют в Риме.

Но раскольническая антирусская и антиправославная деятельность Исидора не закончилась с его бегством из России. 5 декабря 1448 года, отказавшись от мысли поставлять митрополитов в Константинополе, который отступил от Православия на Флорентийском соборе, собор русских пастырей возвел на престол митрополита Киевского и всея Руси *святителя Иону*. Святой старец стал заботиться в первую очередь о единстве церкви, обличая латинство и унию. Тем не менее Исидору удалось, пользуясь поддержкой папы Пия II, объявить святого Иону «нечестивым отступником» и посеять смуту, в первую очередь в Литве, где под властью польско-литовского короля-католика Казимира уния не прошла бесследно, как в Московской Руси. В 1458 году латинствующий патриарх Григорий, перенесший свою кафедру в Рим, посвятил в митрополиты на Литву ученика Исидора *Григория*. В Москве этим сильно обеспокоились, поэтому в 1459 году собрали собор русских епископов, где определили на будущее время избирать митрополитов в Москве, по повелению великого князя и без сношения с греками. Здесь в первый раз упоминается о Московской церкви, в отличие от Киевской. Это означало, что последовало окончательное разделение Русской Церкви на две митрополии – *Московскую* и *Киевскую*.

Не помогла церковная уния и Византии. Прошли те времена, когда папы своим словом приводили в движение королей и целые народы. Да и в папской резиденции открывались всякие злоупотребления и коварства, в папы часто избирались лица слабые, лукавые и недостойные этого высокого сана. А в среде католического духовенства царил распущенность нравов, хотя в числе его представителей встречалось немало людей с самыми высокими нравственными качествами. Естественно, что после Флорентийской унии папе Евгению IV не удалось собрать крестового похода против турок. Единственное, что ему удалось, это побудить польского короля Владислава III к борьбе с турками. Отважный король, незадолго перед тем одержавший несколько побед над турками, надеялся на обещанную помощь итальянского флота,

смело и быстро двинулся с небольшим польско-венгерским войском на турок. Но помощь не явилась, и 9 ноября 1444 г. в отчаянной битве под Варной христианское войско было разбито. Сам король погиб в этой битве.

Теперь судьба Константинополя весела на волоске. Со вступлением на престол султана *Мехмеда II* (1451–1481), которого турки прозвали *Завоевателем*, турки-османы начали решительное наступление на Константинополь. Они построили крепость на азиатском берегу Босфора, и стали контролировать движение судов в проливах, соединяющих Средиземное и Черное моря. Новый византийский император *Константин XI* все еще надеялся на помощь Западной Европы. Но папа Николай V сильно злобился на византийцев за то, что они противились соединению церквей. Никто из западных государей даже и не думал помогать погибающей Византии, кроме Генуи и Венеции, которые с падением Константинополя лишались бы богатой торговли с восточными странами. Бедному императору приходилось надеяться только на мощные укрепления города и мужество его защитников. У него было только 2 тыс. наемных воинов. Тогда он бросил клич среди населения города. Но, увы, из 200 тыс. населения города нашлось только 5 тыс. добровольцев. Многие богатые византийцы даже покинули город, прихватив свое имущество. Но эта горстка защитников во главе с императором была полна решимости погибнуть под стенами города, но не сдать его. Люди надеялись на чудо, которое могло в последний момент спасти Константинополь. Из уст в уста передавалось предсказание, что скоро явится ангел с огненным мечом и поразит всех врагов.

Турки уже ввели 400 кораблей в Мраморное море, а 6 апреля 1453 года огромное турецкое войско (от 100 до 150 тыс. человек) осадило византийскую столицу с суши. Полудикое грубое турецкое племя стояло ниже византийцев и европейцев в культурном отношении, но не уступала им в военном деле. У турок были свои пушки и осадные орудия, они были отважными и опытными воинами, во всем подчиняющимися своему султану. Войну с христианами (неверными) они считали святым делом, а по их верованию, воины, павшие в бою, занимали первое место в раю. Среди византийцев обозначилось явное противостояние между 7 тыс. защитниками города и остальным населением, которое при первых грохотах орудий пало духом, видя в происходящем Божью кару за желание соединить церкви.

Обстрелы города, попытки турок засыпать ров перед стенами, подкопы и, наконец, первый штурм Константинополя защитники византийской столицы отразили с большими потерями для врага. Тогда турки перетасили свои корабли во внутреннюю гавань Константинополя, Золотой Рог, и приступили к осаде с северной, слабо защищенной стороны. В городе тем временем истощились запасы продовольствия, силы защитников таяли, воины не могли отдохнуть ни днем, ни ночью, стены во многих местах уже были полуразрушены. Тогда султан приказал турецкому войску начать последний штурм Константинополя, а накануне этого дня были великие знамения в небе, предвещающие падение города.

Так, за шесть дней до падения Константинополя произошло трехчасовое лунное затмение, покрывшее город полным мраком. На следующий день было еще одно страшное затмение: «В ночь на пятницу озарился весь город светом, и, видя это, стражи побежали посмотреть, что случилось думая, что турки подожгли город, и вскричали громко. Когда же собралось множество людей, то увидели, что в куполе Великой Церкви Премудрости Божией из окон взметнулось огромное пламя, и долгое время объят был огнем купол церковный. И собралось все пламя воедино, и воссиял свет неизреченный и поднялся к небу. Люди же, видя это, начали горько плакать, взывая: «Господи помилуй!». Когда же огонь этот достиг небес, отверзлись двери небесные и, приняв в себя огонь, снова затворились...» (Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.).

Последний штурм Константинополя начался 29 мая 1453 года. В начале штурма дважды турки откатывались назад, оставляя груды трупов. Но новые силы подключались к штурму города. Наконец туркам удалось овладеть частью стены и прорваться через ворота. Бои нача-

лись в самом городе. Уже израненный император Константин всенародно исповедовал свои грехи в соборе Св. Софии и причастился. А затем сказал: «Если кто хочет умереть за Церковь и Христову веру – да последует за мной!». За ним последовало 3 тыс. человек, которые все погибли вместе с последним византийским императором. Султан отдал город на три дня на разграбление. Погибло около 40 тыс. человек, остальных продали в рабство. Так в *эти скорбные дни 1453 года пал Константинополь*. Было истреблено, разграблено или повреждено то, что создавалось в течение целого тысячелетия византийской цивилизацией. Магомет II торжественно въехал в город, посетил собор Св. Софии и велел сделать его мечетью. Константинополь, который турки назвали *Стамбулом*, стал столицей Османского государства.

Согласно преданию, во время штурма турками Константинополя в храме Св. Софии Литургия шла до последней минуты, и во время пения «Херувимской» на глазах ворвавшихся в храм врагов духовенство со священными сосудами скрылось в разомкнувшейся перед ними дверью в южной стене храма. Православные верят, что они будут оставаться за стеной до тех пор, пока в храме не возобновится православное богослужение. Данное предание настолько укоренилось даже у турок, что в 1849 г., когда они ремонтировали мечеть Айя Софи (т. е. храм Св. София), то никто из них не решился вскрыть заветную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.